

Ночами бывал морозец, и Степаныч взял в поездку Федю, чтобы таскал уголь на станциях. Парень этот появился в вагонном депо года два назад, жил то у одной, то у другой проводницы: охранял вагон, носил мешки с бельем, долбил смерзшийся уголь и топил печку. Мыл и чистил в туалетах, собирал мусор по вагону, записывал в журнале пассажиров, чтобы разбудить ночью. И никогда не подводил. В поездке Федя носил форменную рубашку без погон. У него была большая стриженная голова с неприятными вмятинами на висках, отчего взгляд его маленьких глаз как-то ненормально сводился к переносице.

Вагон постанывал глухим нутром на стыках рельс, дефилировал туда-сюда по станции, пока формировали состав. Затем поезд выставили на дальний путь, для местных маршрутов. Нескладная кучка пассажиров устремилась в распахнувшееся тепло вагона. По железным ступенькам стучали колесики чемоданов. Тускло горели лампы в коридоре, пахло казенным бельем и дорожным кипятком. А еще ожиданием...

Федя сидел в купе для проводников, вслушиваясь в голоса пассажиров. В коридоре случился затор, тяжелые сумки елозили по толстокожим торцам полок.

— Что-то крутит меня...

— Сейчас сядем!

— От воды этой, зря дала.

— Она ж минеральная.

— Ну не кипяченая же...

Пассажиры кланялись номерам, маленьким и темным. Эти кватриетки над лавками напоминали Феде дорожные иконки, какие продают в привокзальной часовне.

— Девушка, где здесь одиннадцатое место?

Люди усаживались наспех, пропуская идущих следом.

С глухим шлепком опускались полки, скрипели ремни сумок, натужно щелкали застёжки.

— Хочу руки помыть...

— Достань салфетку.

— Виноград был кислый, а меж пальцев залипает!

Слышались деловито-настороженные вздохи, это выходила из груди затхлость оседлой жизни.

— Земляков встретила, хоть платок повязывай...

Женщины оглядывали мельком свои отражения в темных окнах, тыльной стороной ладони поправляя прически. Чаще всего волосы были собраны узлом на затылках, а у висков пружинили не смятые еще легкие завитки.

Поезд тронулся с легким рывком, шатко выбрался из города, погрузившись в густую незнакомую тьму.

Степаныч обходил купе, сверяя билеты: «Отдам перед станцией! Не проспим. Титан горячий». Напарник Федя помогал снимать матрасы с верхней полки, носил пакеты с бельем, разворачивал простыни старикам. На него смотрели с любопытством. И все же многие стеснялись его помощи, своим рвением он странно увеличивал дорожную маету.

В третьем купе располагались две пары. Парень с девушкой, туристы, с трудом закинули огромные рюкзаки на третью полку. Крашенная блондинка почтенного возраста, следила за их движениями с нижней полки, надежно ли привязали к поручню «эти валуны»:

— На голову-то не упадет?

— Не первый раз...

— Прическу жалко? — услышался голос ее мужа, тучного мужчины.

— Смотрю, отлегло у тебя, после минералки-то!

Затем вздохнула и добавила серьезно и грустно: «Чужая вода только болезни напоит!»

Девушка-туристка склонилась над лавкой, разглаживая простынь. От нее шел кисловатый изюмный дух, видимо, это ей хотелось помыть руки. Федя угадывал людей по услышанным фразам, иногда — по кашлю или запаху. Парень в пятнистом трико, обтягивающим его толстые ляжки, заслонил девушку от назойливого проводника.

Люди укладывались спать, торопясь добрать покой утреннего сна. Притушили свет ламп в проходах, неугомонившиеся перешли на шепот, и только иногда пронзительный луч встречного поезда вместе с долгим яростным гудком заставлял сильнее жмуриться людей даже с закрытыми глазами. Парень в пятнистом трико жевал что-то, выпячивая верхнюю верблюжью губу. Под одеялом покачивались его толстые колени. Свесив голову, он предложил девушке шоколад, «чтоб заснуть». Она подняла руку, поигрывая пальцами.

По тому, как спят люди на вагонных полках, можно гадать об их внутреннем состоянии. Заломленные руки выражают тревогу. Прячут руки под живот — болезнь. Ладонь под щекой — покой и приятные ожидания.

Обнаженные и неподвижные женские руки вызывали у Феди странную тоску. Вот девушка из третьего купе обхватила край подушки, утопив лицо. Волосы похожи на веер из вопросительных знаков. Рукав футболки задрался на плече, и оно мягко оседало под стук колес, словно невидимая, но знакомая ладонь пыталась будить ее, ласково и жалеючи. Плечо гладкое и смуглое, видимо, весеннее солнце уже лизнуло его где-то в горах. А хватило б им места на одной полке. Если обняться да прилепиться друг к дружке!

Внезапно кончился лес.

На горизонте появилась темно-красная бугристая полоса. Вот поезд сделал резкий поворот и полоса приподнялась. Будто на ут-

ренной зарядке отжался от черной земли мускулисто-облачный торс зари. В армии Федя не служил, не взяли. Поэтому и решил армейский год провести вдали от дома: пытался завербоваться на Север строить мост, на Дальний Восток ловить рыбу. Но кончилось тем, что прибился в депо.

2

Федя любил плацкартный вагон. Особенно по утрам. Много воздуха, света и голосов. Шесть человек просыпаются в купе, буд-то по случаю большая семья собралась.

Парень с верблюжьей губой отжимался на руках, упираясь локтями в верхние полки, кряхтел и покачивал ногами перед лицом девушки.

— Что, болит?

— Сорвал, похоже, спину.

Спрыгнул и пошарил рукой на полу. Растрепанная блондинка опередила его:

— Это я убрала.

— Спасибо, и так не украдут.

— Нельзя, чтобы вашу обувь кто-то перешагивал!

— Почему? — парень слегка поморщился.

— Ноги болеть станут, — произнесла соседка назидательно, поправляя на висках желтые свалявшиеся кудряшки. Заметив Федю, женщина пожаловалась на рваную подушку:

— Перья в голове, всю жизнь сонной ходить!

На все случаи в жизни у нее была своя присказка.

— У блондинок это незаметно! — пошутил с боковой полки муж в черной тельняшке. Говорил он с одышкой, похожей на то-ропливый смех, мол, запыхался гоняться за своей шустрой женой. Едут в санаторий, вот она и покрасилась перед выходом в свет!

— Да, стараюсь выглядеть достойно! — гордо сказала женщина. — Семьдесят два года, а на танцах я только молодых выбираю!

Тут только обратили внимание на ее стройные ноги в черных лосинах, и с какой легкостью подцепила она бархатные тапочки:

— Иди ко мне, будем завтракать!

Но муж только кашлянул в кулак и отвернулся. В дороге так бывает: молодых она сближает, а пожилых разъединяет. Вроде и ря-

дом, и еда еще домашняя, в фольге курица. Но не та посуда, не тот кипяток и запах чая, да еще жена салфетки липкие сует!

Парень в пятнистом трико сжал в ладони пустую обертку от шоколадки.

— Уже стоптал! — девушка протянула ему пакет для мусора. В глазах ласковый укор.

Хорошо иметь словечки, понятные друг другу, возникшие, может, случайно где-нибудь в походе. Вся ее ладная крепкая фигура выражала счастливую выносливость, лишь позови ее — и пойдет под рюкзаком так же легко, как шла сейчас по вагону с полотенцем на плече.

— Пусть кушает, пока молодой, — жевала блондинка крыло курицы. — У меня тоже аппетит проснулся. Молодею, значит!

Парень улыбался, глядя на бегущую красную строчку: «Туалет свободен».

За окном показался дачный поселок, мокрые деревья, домики хмурые. Блондинка нанизала вялый взгляд мужа на свой указательный палец с ярко-зеленым ногтем.

— Видел? Яблони уже побелили.

— Да хоть не корчевать, как мне каждую весну.

— Ничего, сил наберешься в санатории.

— У вас тоже сад? — спросил парень без особого интереса.

— У нас воры повадились шуровать, — отозвалась женщина, — чтобы старушки не утруждались сумки таскать! Так я на ограду замков повесила, а ключ выбросила, так никто без спросу не войдет!

— Помогло?

— Мужу моему, — проворчала в сердцах блондинка, возвращая себе возраст. И все ж была довольна, представив, как соседи по даче сейчас в грязи копаются, а она чай гоняет!

3

Солнечный луч присел на край лавки, будто скромный заяц-безбилетник. Но от скуки лучик осмелел, поднялся, обнаружив на столике книгу-путешественницу в цветной обложке. Лощеная бумага ее давно пожелтела, черный рисунок выгорел, разнокалиберный шрифт названия детектива расплылся от пятен пролитого чая.

Вошел Федя, согнав зайца:

— Можно мне прервать вашу задумчивость?

Говорил искренне, но эта нарочитая культурность напрягала больше, чем бесцеремонность. Степаныч спросил:

— Как там в вагоне?

— Хорошо.

Напарник достал из кармана *свою* книгу. Осадил крепкой пятерней трепыхнувшуюся страницу. Прочитал тихо, почти про себя: «Запертый сад — сестра моя». Но и этого хватило, чтобы проводник вышел из себя:

— Она лежит в тени его...

Вот дурень, поморщился Степаныч. И душа-то вроде вся на поверхности, словно масляное пятно на воде. Может, оттого и задышалось в ее глубине что-то непонятное. Вот сейчас уткнется в книгу и замрет, читая о юной девушке, что сравнивает возлюбленного с яблоней и укрывается в тени цветущих веток.

— Тебе-то до них что?

Степаныч погладил лысину, похожую на дно сковороды с пятнами белой окалины. Ниже затылка торчала короткая косичка туго сплетенных сивых волос.

— Ну и пусть лежат! Меньше натопчут.

— Пусть, конечно, — Федя бросил в стакан пакетик с чаем. — Я отлучусь, с вашего позволения!

Книгу оставил на столе, и как не пытался Степаныч смотреть мимо нее, но все же уткнулся взглядом в слова о прекрасной Суламите. Для какого-то своего внутреннего подтверждения. Вернулся Федя с кипятком, затем долго и обстоятельно размешивал сахар ложечкой:

— Дети забавные! Бегают по вагону, шебаршатся — как конфетки в пустой коробке.

Федя любил детей, часто вспоминал своих сестер:

— Младшая говорит старшей: ты больфая? — Большая! — Тогда достань мне с полки!

Смеялся он сдержанно, гфыкал и косился на собеседника:

— А та не может, не хватает роста! Ну мы-то с вами понимаем, родители спрятали...

Степаныч не выносил сюзюканий, а тут еще показались травяные палы, копченые стволы берез и сосенки с рыжей мертвой хвоей. Значит, деревня близко.

Вскоре появились маленькие домики с большими огородами, жидкие плетни спускались по косогорам к затаившейся в кустах речке. Сырая песчаная дорога споткнулась у шлагбаума, разворотив глубокие колеи с застывшей в них водой.

В такой вот деревне и родился скиталец Федя. Его любимая бабушка даже на пенсии еще работала учителем русского языка. У внука тоже обнаружилось чутье на правильное написание слов и знаков препинания. Одноклассники списывали у него диктанты, стыдясь и раздражаясь на Федю, дескать, зачем тупому пятерка в аттестат? Все одно дальше околицы никуда не сунется.

На краю деревни зеленеет поляна, на ней футбольные ворота из трех жердей, вместо сетки остатки сугроба. Дети замерли, забыв про мяч. Деревенское уравнение: три мальчика машут руками, еще два пацана стоят поодаль, меж ними лежит черная собака: «3-2». Знак равенства — это сломанные санки на боку, за ними одинокий вратарь с большой черной перчаткой на руке.

О родителях Федя вспоминал неохотно, и как будто виновато. Отец работал сварщиком в ремонтной бригаде, латал прогнившие трубы. Узким докторским молотком стучал по сизым дымящимся еще швам-рубцам и рыжая окалина падала на снег, как трухлявые оковы.

— Ну и пошел бы сварщиком, — бывало, советовал Степаныч. — Куда с добром!

— За добро и клят будешь.

— Белоручка, что ли? — удивлялся проводник. — В Библии тоже не все ласковы! Ты другие-то книги читал?

— Когда в школе учился.

— Я вот раньше глотал фантастику пачками! Менял у мужиков на базаре. — Степаныч задумался. — Помню, переезжали на новую квартиру, так свою библиотеку вез на тележке. Через весь город! А теперь я кто? Интеллигент в последнем поколении! Дети вообще не читают.

Голос у него глухой и хриплый, как у заядлого спорщика:

— В деревне у тебя есть подружка?

Федя любил поговорить о девушках:

— Звонит одна по телефону...

— Ну вот, и держись за нее.

— Много болтает! А слова все ненужные.

— Так и распознал? Может, угодить хочет?

— Не знаю. Чужие слова.

— Ну, так вернись и скажи, как надо. Женой будет, за тобой повторять научится!

Вагон качнуло, проводник уперся ладонями в столик, чувствуя рядом неколебимую фигуру Феде. Все же уютно было в купе с этим нескладным добродушным парнем, будто с домашним котом.

— Может, в карты сыграем?

— Нельзя мне.

— Тебе много чего нельзя! Потому что меры не знаешь.

— Мера всем разная...

Степаныч вынул из колоды три карты наугад:

— Как разложу спинками вверх — море вижу!

Проводник часто вспоминал, как в детстве его возили в Анапу и отдыхающие на пляже резались в карты. После нескольких партий дураки и умные бежали купаться; возвращались, рассаживались по-новому, подставляя солнцу свежий бок, и вспоминали счет игры. От влажных пальцев темнели и расслаивались уголки карт, на загорелые лица валетов и дам прилипали серые песчинки, будто кокетливые мушки.

— У нас батя за всех поиграл! — сказал Федя.

Он тоже помнил карточные бои — в строительном вагончике, когда приходил звать отца домой. Иногда папаша убегал в магазин и сына усаживали играть вместо него. Принесенная бутылка с грохотом водружалась «в отбой», карты падали из рук, словно ненужная окалина. Отец бросал мелочь широким жестом и однажды поставил на кон свой инструмент! Железный чемоданчик с хромированными отвертками, плоскогубцами и узким докторским молотком. Но в конце игры, когда остался с шестерками против козырей, пихнул их трусливо сыну. Доигрывать. С тех пор Федя завязал.

— Можно попросить у вас шоколадку в счет оплаты?

— Зачем тебе?

— Нужно... Хочу сестер в цирк свозить!

Если приплетал сестер, дело серьезно: и правду не скажет, и врать не сможет.

— Вернемся, получишь.

Напарник не унимался:

— Я могу пойти по вагону лотерею предлагать.

Степаныч считал продажу лотереи занятием интеллектуальным и не доверял его никому:

— Зачем тебе шоколадка?

— Для одной девушки.

— Жениться тебе надо.

Проводник задумался, будто даже сочувствуя, ведь трудно представить рядом с Федей подругу, девушку из царских виноградников. Чтобы подходила ему. Чтобы свадьбу сыграть чин-чинарем! Фата, как библейский цвет! Гости со всей деревни, вода в бочках! А вдруг он и за праздничным столом будет вздыхать о Суламите? Как сейчас думает о девушке из третьего купе.

— Лежат порознь, будто чужие!

— Вдвоем на полке не положено.

А и вправду, где оно место на всех счастливого, где эти сады? Втайне Степаныч тоже чувствовал себя обделенным.

Скорей бы станция. Надо углем разжиться, прикидывал проводник. Его раздражал беспечный и одновременно назидательный тон, с каким читал Федя, уходя в благостную отрешенность. Или вдруг спотыкался, елеино смакуя: «Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино». Особенно нравились ему выделенные прописью слова: «Доколе день дышит прохладю». Мол, их можно заменять своими выстраданными словами. И даже соперничать с древним текстом, вкладывая современный смысл.

— Да, прохладно в вагоне...

— Ну мы-то с вами понимаем, кому тепло!

Шелестели страницы, успевая за юркой скороговоркой парня: «Мед и молоко под языком твоим!» Лакомый смысл фразы добывал он, будто орехи колол. И что примечательно, читал Федя

из всей Библии одну лишь «Песнь песней». Всего-то пять страниц. Узкой темной полоской выделялись они на белых торцах книги, даже закладку не нужно!

Но выхватывал он всегда наугад. Будто впервые. Ни звезды астролога, ни карты гадалки не настораживают так, как прочитанная наугад строка из Библии. Пусть все сказанное в ней знакомо и случилось где-то с родней или соседом. И вот вздрогнет душа, суеверно вслушиваясь в каждое замысловатое слово, точнее в эхо от невнятных пророчеств.

Степаныч хотел вытянуть ноги, но помешала сумка, в которой перекачивался, успокаивая душу, четок водки на ужин:

— Слава богу, подъезжаем!

4

Над черным блестящем лужами перроном навис большой серый вокзал с мокрыми карнизами и фронтоном. Дежурная, с тонкой талией в туго застегнутой синей шинели, стояла под фонарем и держала в озябшем кулачке желтый флажок, словно восклицательный знак.

Пассажиры желали скорее хлебнуть свежего воздуха: кто-то спрыгивал с подножки в трико и в тапочках, кто-то пятился задом, вцепившись в холодный поручень. Послышались зазывающие голоса торговков. Будто пингвины в шальях, они хлопали руками, отгоняя голубей. Степаныч оглядел товар на ящиках: «Семечки не продавать! А то заставлю шелуху убирать!..»

Подошла Зина из соседнего вагона, она была в форменном плаще и узкой пилотке, уже потемневшей от мороси. На Степаныче предусмотрительно надета хозяйственная шинель, она у них с Зиной одна на двоих. Проводница толкнула его плечом, дескать, привет, зяблик, давай потолкаемся! Степаныч поднял воротник и застегнул верхние пуговицы, прижав ладонью выпуклость на груди, но шинель все равно топорщилась очень заметно, потому что у Зины огромный бюст. Они о чем-то переговаривались, временами поглядывая на окно, где виднелась голова Феди.

Поодаль от всех стояли молодые люди из третьего купе, обнявшись, словно перед расставанием. Девушка положила голову

на грудь парня, и он гладил ладонью ее влажные волосы, успокаивал в чем-то, но, видимо, не мог найти нужных слов. Иногда девушка поднимала голову и заплаканными глазами обрушивала на друга скопившуюся тревогу. Кажется, не понимая даже, что делает, она была парня кулачками в грудь и по плечам. Впрочем, не больно, полусжатыми ладонями: мол, не чувствуешь ты! Слов оправданий ей было мало, она становилась все отчаянней перед каким-то выбором, а парень — все слабее и неувереннее. Лишь продолжал гладить девичьи плечи, сжимал их, отстраняясь на вытянутые руки. Так, изо всех сил, сжимают дети оседающую башню из песка, готовую рухнуть под собственной тяжестью.

Вдали раздался гудок, его призрачный звук покотился не вдоль вагонов, а куда-то в сторону за водонапорную башню. Зина крикнула, посмотрев на золотые часики, впившиеся в ее пухлое розовое запястье:

— Все! По вагонам!

И опять потекли туманные поля, сменяясь никлыми рощами. Одинокие сосны на краю насыпи стряхивали тяжелые капли с пушистых ветвей. Пряный дух хвои, казалось, проникал в купе, но держался недолго. Перебивало старым жиром, это Степаныч вывалил на стол волглые пироги с загнувшимися краями и жареных лещей с обломанными хвостами и плавниками. Федя поморщился, страдая от резких запахов. У него был невероятно острый нюх. Как-то ночью проводники собрались в одном купе и он учуял дым из соседнего вагона, где замкнуло проводку. Все-таки удивительно, что по отдельности Федины способности вызывали уважение и признание, но вместе не представляли чего-то целостного.

Неожиданно без стука отползла дверь, вошел парень с верблюжьей губой. Положил на столик шоколадку:

— И что это было?

Федя нахмурился, отвернулся к окну. Степаныч спросил пассажира участливо:

— А что, невкусная?

Парень усмехнулся, выпячивая шершавую губу, мол, не предполагал такой наглости:

— Мы ничего не заказывали!

— Ну так перепутал, значит, напарничек мой!

Отодвинул промасленную бумагу, мол, поесть не дадут спокойно. Вытер полотенцем жирные ладони:

— Может, возьмете лотерею? Железнодорожная! Наше ноу-хау, так сказать!

Протянул пассажиру лощеную открытку с черным лакированным пятном на обратной стороне:

— Выигрыш узнаете по Интернету! Вот здесь только нужно...

— Не надо нам ни-че-го! — Последнее слово парень выговорил четко по слогам. Запнулся, с досадой, о полозя и вышел, не закрыв за собой дверь.

— Не надо, так не надо!

— *Нам* не надо, — передразнил Федя, глядя на свое смутное отражение в окне.

Степаныч нагнулся над сумкой, косичка торчала воинственно на затылке, стянутая кожаным ремешком. Вынул четок. Вот ведь, довели раньше времени!

Грязно-желтая закатная дымка в полях смешалась с туманом. Разгибался после снега упрямый сухостой полыни. Сумерки и тоска подступали к сердцу, как брошенные на разъездах домики, с ползучим кустарником вместо крыш.

Глядя на поле цвета хлебной корочки, проводник махнул стопку и выдохнул под одобрительный кивок Феде:

— Отец у нас, бывало, так же выпьет и молчит.

— Ешь, за углем пойдешь на станции.

Проводник выпил, чтобы уравняться с Федей. Не мог более оставаться один на один с его несуразной и дармовой от природы силой. Не хватало ему на трезвую голову воображения представить, *как* этот увалень подошел к девушке в третьем купе, что сказал ей, каким жестом подсунул шоколадку. И эта невозможность понять Федин поступок теперь не казалась признаком его здравомыслия. Наоборот, Степаныч чувствовал, что потерял способность, как раньше, смаковать фантастику! Утратил цепкость видеть край, черту сбоя, за которой душа человека и его психика становятся неуправляемы. В голове Степаныча возникла мысль столкнуть Федю с девушкой. С другой девушкой! «Тогда и посмотрим, — думал он, — все они для него библейские неженки».

За окном темнота, в вагоне тихо, слышно, как урчит кипяток в титане.

Далеко в степи появился светлый катышек, то теряясь, то вновь возникая, расплющиваясь меж деревьев лесополос. И непонятно было: машина ползет по дороге, сведя фары в кучку, или это разбросанные по степи одинокие домики перекликаются таким образом.

На маленьких полуминутных станциях катышек терялся во все, зарываясь где-то в непроглядную темень. Федя вставал, порываясь открыть окно или выйти в тамбур. Бог его знает, что он задумал: прыгнуть из вагона в весеннюю ночь? Чтобы идти, испытывая остужающую сечь на воспаленном лбу. Идти долго, бесконечно долго, до изнеможения. Чтобы увидеть пропавший свет, чтобы прозреть! Степаныч чувствовал это наверняка, потому что сам испытывал подобное в свое время. А сейчас лишь осаживал Федю, все более утверждаясь в своем решении.

Слава богу, поезд тихо трогался, огонек за окном появлялся вновь, уже с досадой пеняя Феде за его нерешительность. Он становился все крупнее. Огни тоже различаются: одно дело милый свет из домашнего окошка, другое — бессонный свет от фонаря, или мерцающий отраженный в воде, или заревой свет от теплиц. Но самый чудный — свет от костра в сырую промозглую ночь.

Последний раз катышек мелькнул на краю темного холма, за которым вдруг открылась светящаяся гирлянда улицы. Она приняла бродячий огонь в свои ряды. Приближалась крупная станция. «Одевайся, пора!» Шинель изнутри пахнет духами и влажной подкладкой, на груди пусто и широко. Два ведра в руки, лужи на перроне, чужие тропинки, за последним вагоном товарняка влажный гравий, узкая и резкая тень от переходного моста.

5

Даже в сумерках на деревянном заборе были хорошо заметны волнистые полосы. Это отметины бывших сугробов, густо посыпаемых за зиму угольной пылью. У входа будка сторожа с циклопическим глазом прожектора, в свете которого роились капли дождя. Знакомая собака, под тощим брюхом на длинной мокрой шерсти блестели крошки антрацита. Гусеничный кран был по-

хож на железного пеликана, под ним уже копошились проводники из соседних вагонов.

Вернулся Федя за несколько минут до отхода поезда; долго тер салфеткой грязные ладони.

— Зине притащил?

— Да, успел. Она же женщина...

— Ну так с нее причитается!

Напарник снял шинель:

— Мы-то с вами понимаем, что железка — прорва! Нормы кто делает? Люди. Ошибаться могут, так ведь?

— Конечно.

— Раньше мозоли были, — тыкал Федя пальцем в ладонь. — А теперь вмятины.

Степаныч развернул пакеты, показывая, что не ужинал без него. Налил в стакан, благостно крикнул:

— Не пойму я... зачем тебе мыкаться с нами? И в деревне бы нашлось что таскать.

Федя откусил от холодного пирога:

— Собака у сторожа незлая. Просто любопытная. Встала на задние лапы и смотрит за нами, считает ведра.

Он вперил в проводника неподвижный взгляд. Сказал шепотом, по секрету:

— На перроне стоят, обнимаются. И дождь нипочем, даже лучше!

Это на сложные темы он был горазд рассуждать, а все простое — мимо ума. Ну помирились, в вагоне неудобно было. Он ведь тоже под дождем бегал, Зине угодить хотел.

В вагоне опять полумрак, люди дремали.

Луна приоткрыла складки туч, будто ее насильно впихнули в темное и сырое поднебесье.

Зачем хмурым лесам сейчас ее лимонный свет? Такая ясность! На ветвях различимы висящие крупные капли, и от этой ненужной подробности за окном становилось еще неудобнее.

Федя уткнулся в свою книгу: «Поднимись, ветер, повеяй на сад мой». Суламита перекликалась с возлюбленным, так дети ищут ягоду в лесу: и потеряться страшно, и лакомое место открыть жаль.

— Все люди порознь, а они вместе!

— И ты попробуй.

— «Сосцы ее пахнут...»

— Селедкой пахнут! — перебил Степаныч.

Втайне он завидовал смелости, с какой Федя рассуждал о любимом сюжете из Библии. Пусть даже по своей убогости.

— Нельзя трогать не твое!

— Мне надо...

— Тебе другое дело надо.

Напарник поморщился, резко встал и рванул фрамугу, будто выпуская неприятный запах. «Сосцы ее пахнут лилиями!» В купе ворвался ночной ветер, напоминая об оттаявшей земле, березовой гари и сладкой кленовой коре. Федя высунул руку в окно, нащупывая в упругом воздухе что-то тайное и сладостное...

— Закрой! — прижал Степаныч ладонью задравшийся край газеты.

На покрасневших залысинах юноши проступила влажная отава золотистых волосков.

— Последние мозги твои выдует!

— Положи меня, — Федя глянул на проводника почти ясным, но безнадежным взглядом, дескать, вот ты какой!

Сквозь шум ветра стучали колеса-молотобойцы, бесконечно удлинняя и вызванивая: «положи(жи-жи-жи) меня(ня-ня-ня), как печать(чать-чать), на се(се-се)рдце твое-е-е!»

— Потерпи, недолго осталось, — Степаныч хлопнул фрамугой. Может, и правда, не трогать его, пусть живет себе как бог положил.

6

— Выпей воды. А может, водки? Немного. Иисус тоже не залпом смог!

Федя тоскливо качал головой и прятал руки за спину, он еще ощущал в ладони что-то мягкое, запретное.

— Не ходи к ним. Я сам белье приму.

На конечную станцию поезд входил, натужно скрипя и шараясь на стрелках. Яркий свет вламывался в вагоны, ослепляя притихших людей.

После того, как вышел последний пассажир, Степаныч сказал напарнику с угрюмой решимостью: «Отдыхай пока!» Вернулся в купе, выпил и позвонил кому-то, сообщив номер вагона и путь.

А Федя смотрел на перрон, расплывив о стекло широкий нос: два больших рюкзака на толстых и маленьких ножках удалялись в туманную завесь, мягко сталкивались друг с дружкой.

Сейчас он ляжет на *ее* место в третьем купе. Обнимет подушку, пахнущую вялым виноградом! В свете фонарей сыпал мелкий снежок. На стекло плюхались жидкие снежинки, таяли и превращались в прозрачные цветки-незабудки.

Он уже задремал, когда гроыхнула дверь в тамбуре. Степаныч встречал кого-то. Голос один, а говорит за двоих. Позвали Федю, но так, необязательно, больше для памяти, что будет и до него дело. По вагону распространился новый запах: смесь духов, пива и кожаной куртки.

Возле титана стояла девушка: куда идти? Да в любое купе. Знакомый поезд. На нем приехала в город. И возвращалась домой обычной девчонкой, опасаясь встретить земляков. А чего боялась? Да так, сама не знаю, платок надену по-бабьи и сижу тихонько. «Отходила так...»

Мимоходом девушка взяла с подноса чипсы и бутылку с водой. Федя метнулся на лавку, пропустив непонятную пассажирку. В пятом купе скрипнула полка, зашипела минералка под колпачком...

«Федя, ты где?»

В купе сидел мужчина в кожаной куртке. Степаныч кивнул на оробевшего парня: вот для этого дурня! «Это стражник», — догадался Федя. Гость сказал:

— Мне все равно! Здесь подожду.

Степаныч толкнул напарника в грудь, мол, иди за ней!

— Зачем?

— Можешь билеты проверить.

Стражник засмеялся грубо и казенно. На левой брови у него свежий шрам:

— Решайте меж собой, кому проверить.

— Иди, Федя, иди! — смеясь, настаивал Степаныч. Но не получилось у него сказать легко, как хотел, игриво, будто бы дело-то привычное, вполне приятное.

— Нет, я с вами, — заупрямился парень.

— Пусть остынет немного.

— Время пошло, — стражник играл литыми плечами, будто его корезило от скуки: — Давай в карты, что ли.

— Федя, ты как? — Степаныч вынул колоду.

— Везет дуракам, и тем, кто впервые!.. — сдвинулась половинка брови, другая, прищипленная, осталась на месте.

— У него и то, и другое! — в голосе проводника азартная хрипотца. — Ну что, Федя, решился?

— Сдавайте и мне!

Карты полетели по кругу, падали на три кучки. Началась игра, только интерес не понятен. Мелкие карты выкладывали торопливо, крупные берегли, но при необходимости рубили с оттяжкой. В лица друг другу никто не смотрел, будто стеснялись чего-то. А девушка? Почему играют без нее? Она тоже участвует в игре, и так же скидывает в «отбой» неуютную тоску.

— Во сыплет козырями!

— Мелких жалеть, тузов не видеть!

«Кончатся карты, — думал Федя, — и все встанет на свои места: стражник заведет машину, увезет девушку. Проводник закроет тамбур и ляжет спать до объявления посадки».

— Ходи! — треснула щербатая бровь. — Кто выиграет из вас, тот и пойдет!

Горит лицо у Феде. Карты хлещут, будто пощечины женской рукой. Схватить бы ладонь налету да поцеловать треугольник судьбы!

Стражник смеется, ему пришла в голову прикольная шутка, мол, торопитесь успеть, стоянка поезда сокращена. Чувство знакомое: пассажиры жмутся к вагону, и неизвестно, в какой момент раздастся свисток машиниста. Кому-то приспичило в вокзальный буфет, потому что нет вагона-ресторана. В последнем купе родня не может расстаться, не торопятся и не боятся, есть же стоп-кран. Кто-то прикидывает от скуки: что делать, если отстанешь от поезда? Поедут без тебя вещи и документы. Вот и проводник глядит коршуном из открытой двери. Гудок вдали тихий, почти вкрадчивый. Нет, не отстанешь от судьбы, не отвяжешься...

Колода кончилась, на руках осталось по шести сизых. Степаныч стелил беззвучно, стражник берег туза, чесал им щербатую бровь от удовольствия, выжидая момент, чтобы пригвоздить победным

взмахом. Но Федя бросил карты раньше, мол, нужно идти, «поторопить провожающих».

Засмеялись вслед, с облегчением.

— Иди, проверь!

7

— Тук-тук! Ваш билетик!

«Забавно», — усмехнулась девушка. Тонкие пальцы нырнули в шуршащий пакетик.

— Куда едем?

Пожала плечами. Волосы взлохмачены, как бывает у женщин, только что снявших платок. Он даже уловил движение головы, совсем легкое, как бы вослед невидимой ткани.

Федя уперся локтями в края полок:

— Мне сказали: здесь та, которую я искал!

Отстранилась, глубже вминаясь в мягкую спинку:

— Безбилетницу?

— Суламиту.

Тонкие губы втянули золотистую чипсу, словно банкомат карточку. Чего несет?

— Девушка, знаете что, а возьмите лотерею! — Заметил удивленные глаза, поспешно добавил: — Это подарок.

Присел рядом, поворачивая бумажку к свету:

— Вот здесь нужно соскоблить и узнать номер...

Пассажирка бросила пакет, стряхивая сор с ладоней:

— Монеткой...

Ощупала карманы джинсовой куртки, провела ладонями под грудью, наблюдая за странным парнем:

— Прямо, что ли сразу выигрыш?

— Вот здесь, где «точка ру». Дома по Интернету найдете номер...

Девушка чиркнула ногтем черный квадратик, но Федя остановил ее руку. В голове тупо брякало «прямо сразу». Лотерея слетела на пол. Мягко дернулся вагон. Он еще чувствовал, что вдавил коленом лощеный клочок... За окном проплыл перронный фонарь, с каким-то невесомым светом, затем указатель с плоским черным пешеходом, дразнящим хищную морду локомотива. Слышались

гудки, составители в оранжевых жилетках катались на подножках вагонов, как беспризорники. Пару раз дернулся пол под ногами, щелкнул замок полки над головой. Стало зябко и скучно.

После той поездки Федя пропал. Говорили, вернулся в деревню. Но главное — женился. А через пару лет, весной, его видели с женой в поезде. На том же маршруте. Знакомой проводнице он рассказал, что работает на винограднике в предгорье. «Ты оставил Библию в кармане шинели. Помнишь?» Той самой хозяйственной, с выпуклостью на груди! Молодая жена слушала их равнодушно, затем вышла, перекинув светлую косу за плечо. Федя следил с нескрываемым обожанием за пушистой кисточкой меж лопаток. Потом рассказал Зине, что теперь *библию* изучает по каллиграфии листьев на подвязанной к шпалере лозе. И лучший запах для него — запах цветущего винограда.